

О РЕЗУЛЬТАТАХ ПРОВЕДЕННЫХ В 2023 ГОДУ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЦЕЛЯХ ОЦЕНКИ УРОВНЯ «БЫТОВОЙ» И «ДЕЛОВОЙ» КОРРУПЦИИ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Одним из основных направлений реализации Национальной стратегии противодействия коррупции, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 года № 460, является периодическое исследование состояния коррупции и эффективности мер, принимаемых по ее предупреждению и по борьбе с ней как в стране в целом, так и в отдельных регионах (подпункт «м» пункта 8 Национальной стратегии противодействия коррупции).

Пунктом 27 Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 годы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 года № 478, высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации рекомендовано продолжить проведение ежегодных социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации.

Методика проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 25.05.2019 № 662.

В 2023 году социологические исследования уровня «бытовой» и «деловой» коррупции в Свердловской области проводили специалисты Уральского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». По предложению членов Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Свердловской области в стандартные базовые анкеты добавлен региональный компонент.

Оценка уровня «бытовой» коррупции

«Бытовая» коррупция – это коррупция, возникающая при взаимодействии граждан и представителей органов власти, в том числе при предоставлении государственных (муниципальных) услуг.

В 2023 году в исследовании «бытовой» коррупции приняли участие 600 жителей Свердловской области (в 2021 году – 1000, в 2022 году – 1009), из них 525 респондентов (87,5% от общего количества респондентов) обращались за предоставлением государственных (муниципальных) услуг.

Оценка населением уровня «бытовой» коррупции в Свердловской области.

Рейтинг ситуаций, в которых, по мнению респондентов, жители Свердловской области хотя бы изредка сталкиваются с коррупцией (по сумме позиций «Редко», «Время от времени», «Довольно часто» и «Очень часто»), возглавили следующие:

урегулировать ситуацию с автоинспекцией (получение прав, техосмотр, нарушение правил и др.) – 58,33%, получить нужную работу или обеспечить продвижение по службе – 52,67%, получить и (или) оформить юридическое право на жилплощадь, приватизацию и др. – 49,50% респондентов.

По мнению более 40% участников исследования, коррупция довольно широко распространена в разных ситуациях и при разных обстоятельствах. При этом реже всего в качестве коррупционных назывались такие ситуации, как регистрация сделок с недвижимостью (39,83% респондентов), оформление и пересчет пенсий (41,16%), обращение в суд (41,33%).

Структура «бытовой» коррупции. Результаты исследования показали, что **«абсолютно честными»** и **«довольно честными»** более половины жителей региона считают средние школы, училища, техникумы (69,5%), поликлиники и больницы (62,0%), высшие учебные заведения (57,5%), правозащитные организации (57,5%), власти Свердловской области (57,0%), власти своего города, района, поселка, села (53,33%), собесы, службы занятости, другие социальные учреждения (53,33%).

Самые «нечестные» («абсолютно нечестные» и «довольно нечестные») организации, исходя из ответов респондентов, это: коммунальные службы (ЖЭКи, ДЭЗы, домоуправления и др.) – 49,84%, служба безопасности дорожного движения (ГИБДД) – 44,84%, средства массовой информации – 44,66%, правоохранительные органы (полиция, прокуратура и др.) – 41,17%, политические партии – 40,0%. Среди указанных организаций **негативные оценки преобладали над позитивными только в двух случаях: у коммунальных служб и службы безопасности дорожного движения.**

Негативный имидж с точки зрения коррумпированности сохранился в 2023 году у коммунальных служб и СМИ. В положительную сторону изменилось мнение о местной власти. Существенно улучшилось мнение граждан о власти Свердловской области.

Практика обращения граждан за получением государственных (муниципальных) услуг. В течение всех трех лет, когда проводились исследования по «бытовой» коррупции, соотношение более или менее удовлетворенных и неудовлетворенных своим обращением в государственные и муниципальные учреждения респондентов оставалось достаточно стабильным (примерно 80,0% удовлетворены, 20,0% не удовлетворены).

В 2023 году по сравнению с 2021 и 2022 годами произошел резкий рост числа ситуаций коррупционного характера при обращении в государственные и муниципальные учреждения. Коррупционная ситуация чаще всего возникала в следующих случаях: поступление и обслуживание в дошкольных учреждениях (на это указали 18,5% ответивших), при оформлении прав на социальные выплаты и их пересчете (14,83%), при получении услуг по ремонту, эксплуатации жилья у служб по эксплуатации (11,83%), при получении нужной работы или обеспечении продвижения по службе (11,0%), при урегулировании ситуации с автоинспекцией (10,5%), при получении и оформлении прав на жилплощадь, приватизации жилья (10,33%), при регистрации сделки с недвижимостью (10,0%) ***При этом***

подавляющее большинство респондентов (99%), попавших в коррупционную ситуацию, отказались давать взятку.

Оценка эффективности (результативности) принимаемых в Свердловской области мер, направленных на противодействие «бытовой» коррупции. По сравнению с предыдущими годами (2021 год – 60,1% и 2022 год – 63,4%) уровень осведомленности населения о принимаемых органами власти мерах по противодействию коррупции существенно не изменился. В той или иной мере об антикоррупционной деятельности органов власти осведомлены две трети опрошенных (66,84%); не имеют таких сведений около четверти респондентов (23,17%).

Треть респондентов (31,11%) считают, что власти недостаточно активны в противодействии коррупции; почти каждый пятый (17,22%) полагает, что они вообще ничего не делают; в активной позиции властей убеждены более 30,0% опрошенных; затруднились ответить около 20,0% респондентов. В большей степени негативные оценки характерны для молодежи (до 20 лет) и старшего поколения (свыше 60 лет), для респондентов с высшим и средним специальным образованием.

Треть (31,83%) респондентов считает, что региональные власти могут бороться с коррупцией, но не хотят этого делать; почти каждый четвертый (22,67%) полагает, что хотят, но не могут; наиболее оптимистично настроенные граждане (17,5%) уверены, что власти могут и хотят противостоять «бытовой» коррупции; «пессимисты» (16,0%) отрицают наличие у руководства области и возможностей, и стремления решать данную проблему.

Таким образом, абсолютное большинство жителей Свердловской области не рассчитывает на эффективную (результативную) работу региональных органов власти по борьбе с «бытовой» коррупцией. Подобные оценки свердловчан не меняются уже в течение трех лет.

Причины возникновения коррупции. В ситуации, когда для решения проблемы появлялась необходимость дать взятку, сообщили 7,03% опрошенных (40 человек). Две трети респондентов (66,43%) такого опыта не имели. Еще четверть респондентов (26,54%) затруднились ответить на этот вопрос.

Коррупционные ситуации, в которые попадали в последнее время респонденты (40 человек): урегулирование ситуации с автоинспекцией (20,0%); поступление, перевод из одного вуза в другой, экзамены и зачеты, диплом (12,5%); получение бесплатной медицинской помощи в поликлинике (10,0%); поступление в нужную школу и успешное ее окончание, обучение, «взносы», «благодарности» (7,5%); получение нужной работы или обеспечение продвижения по службе (7,5%); получение и (или) оформление права на жилплощадь, ее приватизация (7,5%).

Более 2 лет назад попадали в коррупционную ситуацию 30% опрошенных, от полугода до 1 года – 30%; от 1 месяца до полугода – 22,5%; от 1 до 2 лет – 12,5%, от 10 дней до 1 месяца – 5%. ***Следовательно, попадало в коррупционные ситуации менее 70% респондентов в 2023 году.***

Только каждый пятый (19,44%) заявил, что точно знает о факте коррупционной ситуации, 80,56% респондентов не уверены в этом. Получается,

что абсолютное большинство респондентов не уверены в том, что ситуация, которую они ранее называли в своих ответах «коррупционной», действительно была. Следовательно, при оценке «бытовой» коррупции в Свердловской области (ее уровня, показателей и т.д.) необходимо учитывать, что соответствующие выводы будут в основном опираться не на факты, а на субъективные мнения (ощущения, догадки, предположения и т.п.) опрошенных жителей региона, которые, разумеется, тоже нельзя игнорировать.

Мнения респондентов, уверенных, что их ситуация была действительно коррупционной (14 человек), о том, можно ли было ее решить без дачи взятки, разделились практически поровну: из 14 человек положительно ответили 6 опрошенных (42,86%), отрицательно – 7 (50,0%), затруднился ответить 1 (7,14%).

Респондентам, которые попадали в коррупционную ситуацию (40 человек), задали вопрос о том, по какой причине они бы отказались давать взятку. Около трети опрошенных (29,17%) ответили, что проблемы можно решать и без взяток; каждому пятому (19,44%) взяточничество противно; есть и те, кто принципиально не дает взяток (12,5%). Стоит обратить внимание и на такого рода ответы: «слишком дорого» (9,72%), «боюсь, что поймают» (9,72%), «не знаю, как это делается» (6,94%), которые по сути означают потенциальную готовность к взяточничеству. Результаты исследования по данному вопросу в 2023 году незначительно отличаются от результатов исследований, проводившихся ранее.

Тем же респондентам задали вопрос, по какой причине они точно бы дали взятку. Примерно 40,0% из них готовы дать взятку, если нужно обязательно получить результат. Почти каждый третий (29,17%) ответил, что дал бы взятку только в случае принуждения. Еще треть респондентов (31,94%) затруднились ответить.

Если провести корреляцию между данным вопросом и предыдущим, то обнаружится, что среди двух категорий респондентов, которые либо «принципиально не дают взятку», либо им «противно это делать», находятся те, кто в определенных условиях все же даст взятку, причем необязательно, если его вынудят к этому (например, если для достижения результата без нее не обойтись). Это говорит о том, что **проблема взяточничества для многих россиян лежит не в морально-нравственной сфере, а, скорее, в области деловой, утилитарной, юридической и т.д.**

Полученные результаты отличаются от результатов исследования 2022 года (тогда категория затруднившихся ответить была по численности в 2 раза меньше) и исследования 2021 года (тогда взятку по принуждению готовы были дать в 2 раза меньше респондентов).

В ходе исследования выяснилось, что две трети респондентов (65,28%) плохо знает или вообще не знает заранее, какую сумму может составить необходимая взятка. Треть опрошенных (34,72%) имеет представление о размере предполагаемой взятки. Четверть ответивших (25,0%) считает, что средняя сумма взятки для решения проблемы варьирует в диапазоне от 50 000 до 100 000 рублей. Каждый пятый (19,44%) полагает, что достаточно 5000–15 000 рублей, каждый шестой (13,89%) – 30 000–50 000 рублей. Более четверти респондентов (26,39%)

затруднились ответить на данный вопрос. Ни один респондент не выделил сумму более 200 000 рублей.

На вопрос об основном результате от дачи взятки четверть респондентов (25,0%) отметила минимизацию трудностей при решении проблемы, чуть меньше (23,61%) – ускорение решения проблемы. Каждый пятый (19,44%) считает, что взятка ничего не гарантирует. Почти столько же (18,06%) уверены, что должностные лица «выбивают» взятку за действия, за которые они и так получают зарплату. Нашлись и такие респонденты, которые полагают, что взятка обеспечивает качественное решение проблемы; правда, таковых оказалось немного (6,94%) (рисунок 1).

Рисунок 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Каков основной результат от дачи взятки, на Ваш взгляд?», %

Сравнение полученных результатов с результатами 2021 и 2022 годов позволяет сделать вывод, что принципиальных отличий между ними нет. Единственное значимое отличие в том, что в 2023 году чаще отмечали такой результат, как минимизация трудностей при решении проблемы.

Более трети опрошенных (36,17%) считает, что в коррупции виноваты сами граждане, которые надеются, что так «вернее» решить проблему. Еще около трети (34,17%) убеждены (с подачи знакомых и родственников), что без взятки проблема в принципе не решается. Около 30,0% опрошенных полагают, что взятки вымогают должностные лица.

Больше половины свердловчан (53,17%) осуждает и тех, кто берет взятки, и тех, кто их дает (рисунок 2). Среди респондентов больше тех, кто осуждает взяточников, по сравнению с теми, кто осуждает взяткодателей (17,67% против 10,17%). Каждый десятый респондент (11,5%) не осуждает ни тех, ни других. Обращает на себя внимание рост (примерно на 10%) числа критиков всех участников коррупционных сделок в 2023 году по сравнению с их числом в 2021 и 2022 годах и снижение (примерно на 15,0%) численности тех, кто никого не осуждает.

Более 60,0% респондентов в целом положительно оценивают работу региональных органов исполнительной власти (9,33% полностью положительно, 52,33% скорее положительно). В то же время чуть менее 40% опрошенных дают в той или иной мере отрицательные оценки (6,67% полностью отрицательные, 31,67% скорее отрицательно). **Таким образом, органы исполнительной власти Свердловской области имеют достаточно высокий положительный рейтинг у населения региона.**

Рисунок 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Люди по-разному относятся и к тем, кто дает взятки, и к тем, кто их берет. Какая из приведенных точек зрения Вам ближе?», %

Рейтинг органов местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, несколько ниже по сравнению с региональными органами, однако следует учитывать, что речь идет об усредненной оценке значительного количества муниципальных органов. Возможны заметные флуктуации (как в положительную, так и в отрицательную стороны) от средней оценки в зависимости от конкретного муниципального образования. В целом 58,0% респондентов оценили положительно антикоррупционную деятельность органов местного самоуправления (8,67% полностью положительно, 49,33% скорее положительно), 42,0% – отрицательно (7,33% полностью отрицательно, 34,67% скорее отрицательно).

Абсолютное большинство респондентов (61,83%) оценивает уровень бытовой коррупции в Свердловской области как средний. Это говорит о том, что регион, с точки зрения населения, не выделяется на общем коррупционном фоне в стране по сравнению с другими субъектами Российской Федерации.

При этом количество тех, кто оценивает уровень коррупции как высокий, почти в три раза превышает количество респондентов, оценивающих уровень коррупции как низкий (27,67% против 10,5%) (таблица 1). Это может косвенно

свидетельствовать о довольно негативных, в целом, оценках со стороны населения уровня бытовой коррупции в регионе.

Таблица 1 — Распределение ответов респондентов на вопрос «Как вы оцениваете уровень коррупции в Свердловской области?», % и абс. числа

Вариант ответа	%	Чел.
высокий	27,67	166
средний	61,83	371
низкий	10,50	63

Рейтинг административно-территориальных единиц Свердловской области в зависимости от уровня коррупции. Одной из задач социологического исследования являлось формирование информационной базы для составления рейтинга административно-территориальных единиц Свердловской области в зависимости от уровня коррупции.

Риск бытовой коррупции. Самые большие значения данного показателя зафиксированы в Кировградском городском округе (15,38%), Слободо-Туринском сельском поселении (14,29%) и Нижнетуринском городском округе (12,5%).

Вероятность реализации коррупционного сценария в сфере «бытовой» коррупции. Наибольшие значения данного показателя установлены в муниципальном образовании «город Екатеринбург» (128,57%), Каменск–Уральском городском округе и Обуховском сельском поселении (по 100,00%).

Средний размер взятки в сфере «бытовой» коррупции. Наибольшие значения данного показателя зафиксировано в городском округе Сухой Лог (77 000,00 руб.), Каменск–Уральском городском округе и Обуховском сельском поселении (по 75 000,00 руб.).

Доля коррупционных издержек в среднестатистическом доходе населения Свердловской области. Наибольшие значения данного показателя отмечаются в городском округе Сухой Лог (150,05%), Обуховском сельском поселении (146,16%).

Коррупционный опыт в сфере «бытовой» коррупции. Наибольшие значения данного показателя фиксируются в Кировградском городском округе (13,33%), Нижнетуринском городском округе и Обуховском сельском поселении (по 10,00%).

Количество коррупционных сделок в сфере «бытовой» коррупции. Максимальное значение данного показателя выявлено в муниципальном образовании «город Екатеринбург» (45 шт.).

Среднее количество коррупционных сделок в сфере «бытовой» коррупции за год, приходящееся на одного жителя. Наибольшие значения показателя зафиксировано в Камышловском городском округе и Байкаловском сельском поселении (0,6333).

Среднее количество коррупционных сделок в сфере «бытовой» коррупции за год, приходящееся на одного участника коррупционной ситуации. Наибольшие значения по данному показателю фиксируются в городе Нижний Тагил (11,0000),

муниципальном образовании «город Екатеринбург» (6,4286), Байкаловском сельском поселении (6,3333).

Количество коррупционных сделок в сфере «бытовой» коррупции в Свердловской области за год. Наибольшие значения данного показателя отмечаются в муниципальном образовании «город Екатеринбург» (10 178 402,14 шт.), в городе Нижний Тагил (3 706 109,00 шт.).

Годовой объем «бытовой» коррупции в Свердловской области. Наибольшие значения данного показателя отмечены в муниципальном образовании «город Екатеринбург» (465 237 797 946,43 руб.), в городе Нижний Тагил (26 251 605 416,67 руб.).

Доля годового объема «бытовой» коррупции в Свердловской области в валовом региональном продукте (ВРП). Наибольшие значения данного показателя отмечены в муниципальном образовании «город Екатеринбург» (15,31%) и городе Нижний Тагил (8,64%).

Мнение граждан об интенсивности «бытовой» коррупции. Максимальные значения данного показателя зафиксированы в Кировградском городском округе (11,04%), в городском округе Первоуральск (10,78%).

Индикатор уровня «бытовой» коррупции в Свердловской области. Наибольшее значение зафиксировано в муниципальном образовании «город Екатеринбург» (0,0618), в городе Нижний Тагил (0,0543).

Институциональный индикатор «бытовой» коррупции в Свердловской области. Наибольшие значения данного показателя выявлены в Кировградском городском округе (0,1313), в Нижнетуринском городском округе (0,1046).

Динамический индикатор уровня «бытовой» коррупции в Свердловской области. Наибольшие значения данного показателя выявлены в городском округе Первоуральск (2,2720), в Каменск–Уральском городском округе (2,2720).

Динамический институциональный индикатор уровня «бытовой» коррупции в Свердловской области. Наибольшие значения данного показателя выявлены в городе Нижний Тагил (1,0657), в Каменск–Уральском городском округе (1,0000).

В итоге лидирующие позиции в рейтингах административно-территориальных единиц Свердловской области в зависимости от уровня коррупции занимают муниципальное образование «город Екатеринбург» (в 6 рейтингах) и Кировградский городской округ (в 4 рейтингах).

Оценка уровня «деловой» коррупции

«Деловая» коррупция – это коррупция, возникающая при взаимодействии органов власти и представителей бизнеса.

В 2023 году в исследовании «деловой» коррупции приняли участие 400 представителей бизнеса, осуществляющих финансово-хозяйственную деятельность на территории Свердловской области (в 2021 году – 500, в 2022 году – 500).

Структура «деловой» коррупции. В подавляющем большинстве случаев, по утверждению респондентов, не возникало ситуаций, вызывающих

необходимость негласно «стимулировать» государственных (муниципальных) служащих: **от 80,95% до 93,81% респондентов из числа предпринимателей не осуществляли неформальные платежи.**

В тоже время выявились зоны риска, когда респонденты назвали те органы власти, в которых опыт скрытых платежей все же присутствовал: в группу «лидеров» (как и в 2022 году) попали органы по реализации государственной (муниципальной) политики в сфере торговли, питания и услуг (19,05% опрошенных предпринимателей против 16,4% в 2022 году отметили, что с той или иной частотой вынуждены давать неформальное вознаграждение чиновникам из этой сферы); органы, занимающиеся предоставлением земельных участков (18,52% в 2023 году против 14,2% в 2022 году), а также органы, занимающиеся вопросами предоставления в аренду помещений, находящихся в государственной (муниципальной) собственности (16,11% против 12,3% в 2022 году).

Вторая «группа риска», где практически каждый десятый респондент признает возможность регулярного осуществления неформальных платежей при обращении в следующие органы власти (сумма ответов «регулярно, 1 раз в год», «регулярно, 1 раз в квартал»): органы Ростехнадзора (11,6%), органы по охране труда (12,1%), Росреестра (9,6%) и Ростехнадзора (9,46%).

Приходилось ли респондентам сталкиваться с ситуацией, когда должностные лица органов местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, предъявляли к их организациям незаконные требования при осуществлении различных видов муниципального контроля? (ответы представлены в таблице 2).

Таблица 2 — Распределение ответов респондентов на вопрос «Сталкивались ли Вы с тем, что должностные лица органов местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, предъявляли к Вашей организации (предприятию, фирме, бизнесу) незаконные требования при осуществлении следующих видов муниципального контроля?»

Вариант ответа	да		нет		не знаю		Всего, чел.
	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	
муниципальный контроль на автомобильном транспорте и в дорожном хозяйстве	6,25	25	39,00	156	54,75	219	400
муниципальный жилищный контроль	5,50	22	41,75	167	52,75	211	400
муниципальный земельный контроль	7,75	31	36,00	144	56,25	225	400
муниципальный контроль в области охраны и использования особо охраняемых природных территорий	4,50	18	42,25	169	53,25	213	400
муниципальный контроль в сфере благоустройства	8,50	34	41,25	165	50,25	201	400
муниципальный лесной контроль	4,50	18	49,25	197	46,25	185	400

Подавляющее большинство ответивших на данный вопрос либо «не знает» о ситуации выдвигания незаконных требований (более 50,0%), либо точно отвечает «нет», не сталкивались с такими ситуациями (порядка 40,0%). **В зоне риска оказался муниципальный контроль в сфере благоустройства и муниципальный земельный контроль (8,50 и 7,75% соответственно).**

Сталкиваясь с фактами коррупционного поведения, всегда важно понять, кому принадлежит инициатива: органам власти, выдвигающим незаконные

требования и фактически вымогающих взятку, или самим предпринимателям. В качестве позитивного результата борьбы с коррупцией в Свердловской области можно отметить тот факт, что большинство респондентов (более 50,0%) ответили категорически «нет», не сталкивались с незаконными требованиями со стороны органов власти в отношении их организации, еще порядка трети респондентов просто не знают о таких требованиях (ответ «не знаю»). Несмотря на то, что доля бизнес-сообществ, сталкивающихся с незаконными требованиями со стороны должностных лиц, не велика (от 3,5% до 8,0%), по оценкам деловых кругов, с незаконными требованиями им приходилось сталкиваться со стороны налоговых органов (8,0%), полиции и органов прокуратуры (7,25%), Роспотребнадзора и органов противопожарного надзора и МЧС (по 7,0%). Ситуация по сравнению с 2022 годом практически не изменилась, те же органы власти чаще других, по мнению респондентов, выдвигали незаконные требования к их организации (7,0%; 7,0%; 7,4% и 6,4% соответственно).

Таблица 3 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Сталкивались ли Вы с тем, что должностные лица каких-либо из указанных органов власти предъявляли к Вашей организации (предприятию, фирме, бизнесу) незаконные требования?», % и абс. числа

Органы власти	Да		Нет		Не знаю		Всего
	%	абс. числа	%	абс. числа	%	абс. числа	
Судебные органы	5,00	20	57,50	230	37,50	150	400
Полиция, органы внутренних дел	7,25	29	60,25	241	32,50	130	400
Прокуратура	6,25	25	55,00	220	38,75	155	400
Налоговые органы	8,00	32	54,50	218	37,50	150	400
Ростехнадзор	4,25	17	58,00	232	37,75	151	400
ФАС России	3,50	14	58,00	232	38,50	154	400
Органы противопожарного надзора, МЧС	7,00	28	62,50	250	30,50	122	400
Роспотребнадзор	7,00	28	57,75	231	35,25	141	400
Органы по охране природных ресурсов и окружающей среды	4,25	17	65,75	263	30,00	120	400
Органы по охране труда	3,50	14	58,75	235	37,75	151	400
Органы, занимающиеся вопросами предоставления земельных участков	5,50	22	57,75	231	36,75	147	400
Органы, занимающиеся предоставлением в аренду помещений, находящихся в государственной (муниципальной) собственности	3,75	15	62,00	248	34,25	137	400
Органы по реализации государственной (муниципальной) политики в сфере торговли, питания и услуг	3,50	14	60,00	240	36,50	146	400
Органы по архитектуре и строительству (БТИ и др.)	5,00	20	60,00	240	35,00	140	400
Росреестр	4,00	16	65,25	261	30,75	123	400
Иные органы власти	7,00	28	58,25	233	34,75	139	400

Отсутствие положительной динамики со стороны названных организаций и также тот факт, что, как и в 2022 году, ни один орган власти не демонстрирует нулевых рисков коррупции, свидетельствует об устойчивости настроений бизнес-сообщества в том, что оно не гарантировано от предъявления необоснованных требований со стороны органов власти.

Коррупционный опыт в сфере государственных (муниципальных) закупок. Сфера государственных закупок традиционно оказывается в первых строчках рейтинга высоких коррупционных рисков. Доля имеющих опыт участия в закупках в 2023 году выросла с 17,6% в 2022 году до 29,75%, из них 13,0% участвовали в региональных конкурсах и примерно столько же в федеральных (13,25%). Число участников конкурсов, проводимых муниципальными органами власти, оказалось меньше – 3,5%.

На федеральном и региональных уровнях в закупках чаще участвовали организации в сфере обрабатывающего производства, оптовой и розничной торговли, а также в сфере образования. На муниципальном уровне в закупках чаще участвовали организации обрабатывающего производства, сельского хозяйства и строительства.

Исследования показывают, что респонденты имеют небольшой, но позитивный результат получения государственного или муниципального контракта: более 3-х контрактов чаще получали предприниматели от федерального заказчика (5,88%), примерно столько же от регионального – 5,04%, несколько меньше от муниципального – 1,68%. Дважды удалось стать победителями в региональном конкурсе 6,72% респондентов; на муниципальном уровне – только 1,68%. Однократный заказ получили респонденты, участвуя в федеральных и региональных конкурсах (по 4,2%), на муниципальном уровне – 0,84%.

На федеральном уровне в конкурсах чаще всего удавалось стабильно получать заказы (более 3-х раз в год) организациям, действующим в сфере обрабатывающего производства, оптовой и розничной торговли, транспортировки и хранения, а также в сферах культуры и спорта. На региональном и на муниципальном уровнях победителями чаще признавались организации, действующие в сфере образования, здравоохранения, транспорта, обеспечения электроэнергией, обрабатывающего производства.

Полученные ответы позволили выделить группы респондентов, которые на основе собственного опыта могут судить о коррупционных рисках при получении государственного (муниципального) контракта. Подавляющее большинство из данной группы респондентов (83,33%) дали отрицательный ответ на вопрос: «Когда организации (предприятия, фирмы, бизнес) Вашей отрасли, по размерам схожие с Вашей, получают государственные (муниципальные) контракты, производят ли они обычно неофициальные выплаты для их получения? Если да, то какой в среднем процент от суммы контракта обычно выплачивается?». Прослеживается небольшая положительная динамика: в 2021 году таких ответов получено 76,5%; в 2022 году – 80,0%; в 2023 году – 83,33%.

По оценкам респондентов, наибольшие риски так называемых «откатов» встречаются при заключении муниципальных контрактов: 8,3% респондентов считают, что такая сумма составляет до четверти от суммы контракта; еще 2,78% убеждены, что пятая часть уходит в карманы муниципальных чиновников; 5,56% дают более скромные цифры – десятая часть от суммы контракта.

Немного лучше в оценках респондентов выглядит ситуация на региональном уровне: только 2,78% респондентов полагают, что четвертая часть государственного регионального заказа надо «отдать» на неформальные платежи, чтобы обеспечить получение заказа. Такая же доля респондентов уверена, что можно ограничиться пятью, десятью или пятнадцатую процентами неформальных выплат. Те же, кто имел опыт получения федерального контракта (11,11%), ограничились 5-процентной суммой от заказа.

Исходя из полученных ответов представителей бизнеса, можно предположить, что в сфере государственных и муниципальных закупок наиболее уязвимым оказывается муниципальный уровень.

Несмотря на то, что собственный опыт участия в конкурсных процедурах на получение контракта от органов власти подсказывает, что зона риска сосредоточена на уровне муниципалитета, коррупция в целом сосредоточена, прежде всего, на федеральном уровне: по мнению бизнес-сообщества, случаев взяточничества практически в 2 раза больше на федеральном уровне (это отметили 33,25% опрошенных), чем на региональном или местном (16,75% и 18,5%, соответственно) (рисунок 3). В оценках респондентов 2022 года также лидировал федеральный уровень.

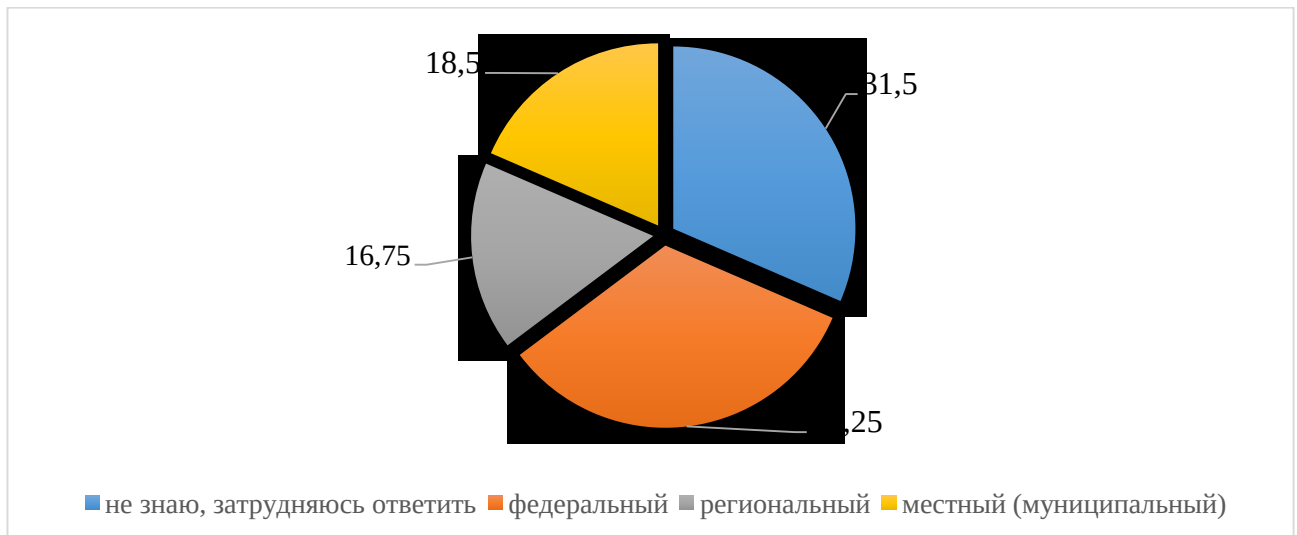

Рисунок 3 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, на каком уровне коррупция развита в наибольшей степени?», %

Форма неформальных платежей. Как и в 2022 году, подарки остаются самым распространенным способом неформального воздействия на должностных лиц: сумма ответов от «редко» до «очень часто» составила в 2023 году 25,22% (против 18% в 2022 году). Порядка 16,25% верят в то, что «неформальные услуги имущественного характера» помогут им в решении вопроса; примерно столько же

(15,0%) уповают на то, что неформальные прямые и (или) скрытые платежи способны оказать влияние на должностных лиц.

Готовность принимать «подарки» демонстрируют, по наблюдениям бизнес-сообщества, чаще других органы по охране природных ресурсов и окружающей среды (46,15%), судебные органы (34,38%), органы, занимающиеся предоставлением в аренду помещений, находящихся в государственной (муниципальной) собственности (30,89%), и органы по реализации государственной (муниципальной) политики в сфере торговли, питания и услуг (30,14%). Неформальные платежи оказываются действенным инструментом воздействия на поведение должностных лиц в Ростехнадзоре (32,35%), органах, занимающихся вопросами предоставления земельных участков (32,2%), и в Роспотребнадзоре (31,62%).

Подавляющее большинство участников исследования (62,5% в 2023 году против 80,8% в 2022 году) указали, что у предприятий их сферы бизнеса на один неформальный прямой или скрытый платеж в среднем приходится от 3 до 10 тысяч рублей. На сумму от 10 000 до 25 000 рублей указали 14,75% респондентов (против 8,8% в 2022 году); от 25 до 150 тысяч рублей – 10,5% (против 4,8% в 2022 году). Доля тех, кто считает, что неформальный платеж может достигать свыше 1 млн. рублей, не превышает 1,5% (0,6% в 2022 году). Рейтинг сумм неформальных платежей, в которых признались респонденты, сохранился прежний; увеличение доли скрытых платежей в оценках респондентов можно объяснить уровнем инфляционных ожиданий.

При ответе на вопрос о том, какая доля дохода от предпринимательской деятельности фирм в их сфере бизнеса в среднем приходится на неформальные прямые и (или) скрытые платежи, респонденты 2023 года оказались более открытыми: если в 2022 году подавляющее большинство (96,4%) респондентов предпочли воздержаться от ответа на этот вопрос, то в 2023 году таких оказалось меньше половины (43,75% затруднились с ответом). Порядка трети респондентов (36,75%) оценивали эту долю менее чем 5,0%; практически каждый десятый (11,5%) высказал предположение, что эта доля может доходить до 10,5%; процент тех, кто убежден в том, что более 15,0% доли дохода от предпринимательской деятельности приходится на неформальные платежи, составляет меньшинство (8,0%).

Оценка эффективности (результативности) принимаемых в Свердловской области мер, направленных на противодействие «деловой» коррупции. Бизнес-сообщество региона оказалось достаточно информированным о мерах, которые принимаются органами власти для противодействия коррупции: только четверть респондентов «ничего не знает об этом» (рисунок 4).

По сравнению с 2022–2023 годами уровень информированности о принимаемых органами власти мерах по противодействию коррупции повысился: число тех, кто ничего не знает об этом, снизилось на 8,25%, при этом на 7,15% выросла доля тех, кто что-то слышал об этом, и на 5,85% тех, кому такие меры известны. О том, что резерв для активизации работы в этом направлении

не исчерпан, свидетельствует тот факт, что на 4,75% снизилось число очень заинтересованных в антикоррупционной информации деловых людей.

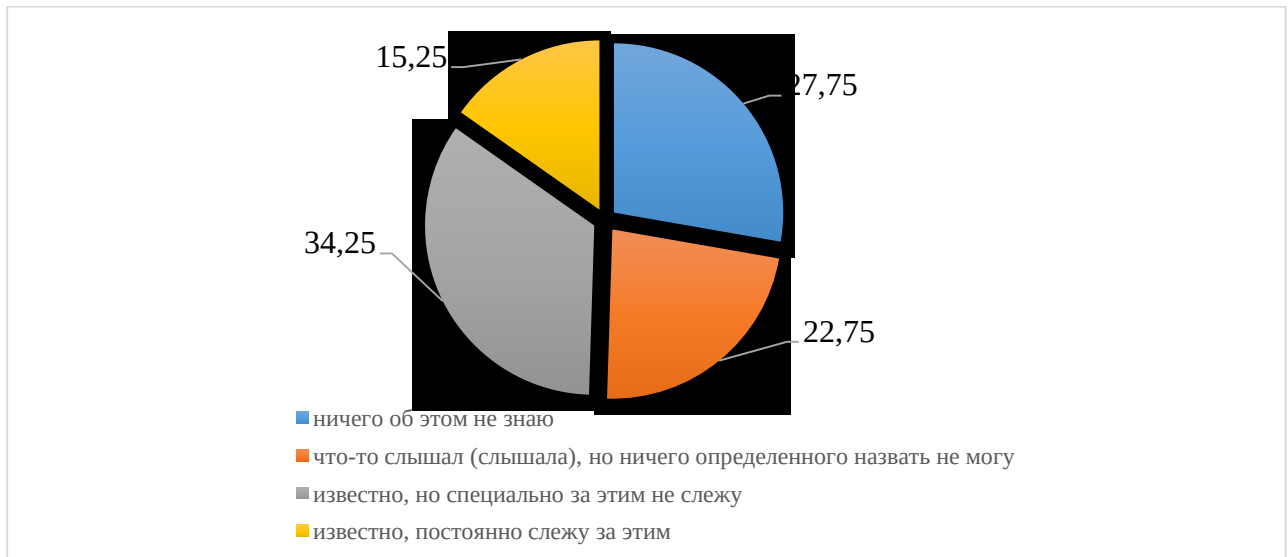

Рисунок 4 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Известно ли Вам о мерах, которые органы власти принимают для противодействия коррупции?», %

Достаточно высокая степень осведомленности респондентов о работе по противодействию коррупции позволяет им дать свою оценку эффективности деятельности органов власти по борьбе с коррупционными проявлениями на территории Свердловской области (рисунок 5).

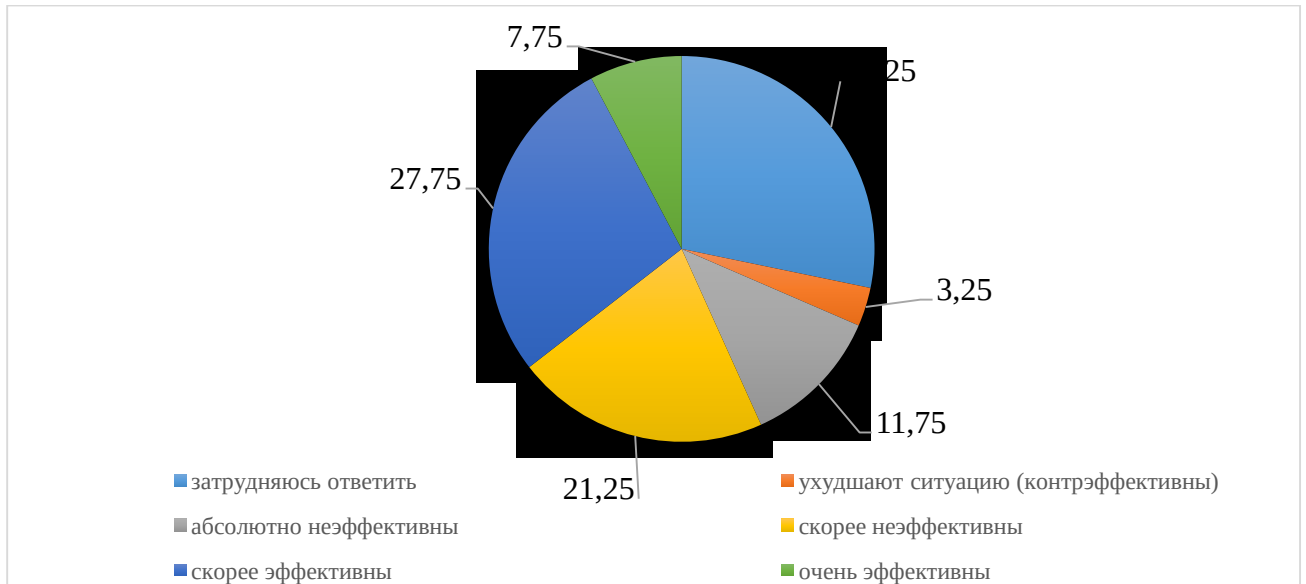

Рисунок 5 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько, по Вашему мнению, эффективны действия органов власти по противодействию коррупции?», %

Мнения респондентов разделились: чуть более трети положительно оценили (по сумме позиций «Очень эффективны» и «Скорее эффективны») усилия властей по противодействию коррупции, тогда как другая треть полагает, что эффективность этой работы низкая (сумма ответов «скорее» или «абсолютно неэффективная»).

Вместе с тем проведенный сравнительный анализ ответов респондентов 2022 и 2023 годов выявил пеструю картину. С одной стороны, в качестве позитивной тенденции можно отметить:

- рост позитивных оценок деятельности власти по борьбе с коррупцией (с 29% до 35,5%);
- высокий уровень информированности респондентов также существенно сократил группу «сторонних наблюдателей», которые затруднились с ответом (с 45,4% до 28,25%).

Можно предположить, что именно их голоса пополнили ряды критически настроенных респондентов, доля которых возросла с 24,7% до 33,0%; незначительно (на 2,0%) прибавилось число резко настроенных бизнесменов, считающих, что борьба с коррупцией только ухудшает ситуацию. Таким образом, в целом сохраняется картина полярных оценок деловыми кругами эффективности действий органов власти по противодействию коррупции.

Детально оценивая антикоррупционные меры, участники опроса демонстрируют уже большее единодушие, и чаша весов склоняется в сторону положительных оценок конкретных шагов реализации антикоррупционной политики. Все перечисленные меры получили в оценках респондентов большинство позитивных оценок. Наиболее высоко респондентами оценены такие мероприятия, как:

- упрощение процедуры предоставления услуг органами власти – 65,75% (в 2022 году – 63,0%);
- повышение прозрачности административных процедур – 64% (в 2022 году – 59,6%);
- повышение прозрачности взаимодействия государственных и муниципальных служащих с организациями в рамках проекта «Электронное правительство» – 65% (в 2022 году – 59,0%).

По сути деловое сообщество в Свердловской области выразило свою поддержку проводимой антикоррупционной политике.

Представителям бизнес-сообщества предлагалось высказать свои оценки готовности и способности органов власти противодействовать коррупции. Более трети предпринимателей 38,5% уверены в намерении («руководство хочет») органов власти Свердловской области бороться с коррупцией (в 2022 году – 31%; в 2021 году – 24,6%), однако только 10,5% уверены в достаточности имеющихся у руководства региона ресурсов для превращения этого желания в реальную практику («хочет и может») (рисунок 6).

Наблюдается позитивная динамика в оценке респондентами готовности руководства Свердловской области бороться с коррупцией: 2023 год – 38,5%; 2022 год – 31%; 2021 год – 24,6%.

Представителей бизнес-сообщества попросили оценить динамику «деловой» коррупции по различным органам власти. Если выделить те органы власти, где ответы «коррупции стало меньше» доминируют над другими ответами («коррупции стало больше» или «ситуация не изменилась»), то можно выделить группу органов власти, которые, по оценкам респондентов, демонстрируют

положительную динамику: судебные органы, Ростехнадзор, органы по охране труда, по охране природных ресурсов, органы по архитектуре и строительству, судебные органы и прокуратура, органы, регулирующие сферу торговли, и Росреестр.

Рисунок 6 – Распределение ответов респондентов на вопрос «С каким из приведенных суждений о борьбе с «деловой» коррупцией в Свердловской области Вы согласны?», %

Чаще всего на неизменность уровня коррупции (доминируют ответы «ситуация не изменилась») представители бизнеса указывают в полиции и органах внутренних дел, в налоговых органах и органах противопожарного надзора, Роспотребнадзора, в органах, занимающихся вопросами предоставления земельных участков, а также занимающихся предоставлением в аренду помещений, ФАС России. Заметим, что не названо ни одного органа власти, где бы позиция «коррупции стало больше», доминировала над ответами «коррупции стало меньше» или «ситуация не изменилась». **Следовательно, в оценках респондентов преобладает видение улучшений или неизменности уровня коррупции в органах власти.**

В ходе исследования выяснена информированность предпринимателей о случаях подачи представителями бизнес-сообщества жалобы на действия должностных лиц в правоохранительные органы (органы внутренних дел, прокуратуру и др.), а также способы получения такой информации.

Рейтинг источников информации в 2023 году выглядит следующим образом:
– информация о факте подачи таких жалоб распространяется внутри профессионального сообщества: 31,25% участников опроса знают о таких ситуациях от ближайшего окружения (коллег) (в 2022 году – 6,2%);

– средства массовой информации занимают вторую строчку рейтинга источников информации, из которых респонденты черпают информацию о наличии подобных жалоб: об этом сообщило 21,75% опрошенных представителей бизнеса (в 2022 году – 21,6%);

– о собственном опыте подачи подобных жалоб сообщили 6,25% респондентов (в 2022 году – 1,8%).

Насколько результативным оказывается обращение с жалобами в правоохранительные органы, большая часть опрошенных затруднилась высказать свои оценки (71,43% «затруднились с ответом»). Оценки респондентов, сумевших ответить на этот вопрос, разделились: десятая часть уверена, что подача жалобы оказалась результативной, поскольку организация смогла добиться решения вопроса без взятки; другая десятая часть респондентов (10,71%) приобрела негативный опыт и убеждена в том, что у организации, подавшей жалобу, только усугубляются проблемы и начинаются неприятности. Чуть меньшая часть ответивших (7,86%) сочла обращение в органы власти нерезультативными, поскольку организации ничего не добились жалобами. Такая пестрая картина показывает, что в предпринимательском сообществе нет уверенности в действенности обращения в правоохранительные органы; опыт коллег показывает, что и позитивный, и негативный исход обращения с жалобами в равной степени вероятен.

Практически половина респондентов не увидела существенных изменений уровня коррупции за последний год на всех уровнях власти (от 49% до 54,25%). Единодушие респондентов проявилось только в данных ответах. Далее оценки поляризуются: чуть более четверти увидели уменьшение уровня коррупции на всех уровнях власти (от 26,75% до 30%), пятая часть респондентов (от 17,25% до 21%) считает, что коррупция возросла. Иерархия оценок, таким образом, выстраивается следующая: не изменился уровень коррупции; уменьшился; возрос.

Если проанализировать видение деловым сообществом позитивных или негативных изменений масштаба коррупции по уровням власти, можно увидеть следующее:

– преобладает тенденция на видение уменьшений уровня коррупции на всех уровнях власти: на местном уровне (28,5% «уменьшился» против 17,25% «увеличился»); на уровне региона (26,75% «уменьшился» против 17,25% «увеличился»); в целом по стране (30% «уменьшился» против 21% «увеличился»). Разница в 2–3% не может быть признана существенной, поэтому можно сделать вывод, что уменьшение коррупции в картине мира делового сообщества происходит более-менее равномерно на всех уровнях власти.

Причины и условия проявления «деловой» коррупции в Свердловской области. Иерархия причин в 2023 году выглядит следующим образом: основная причина объясняется желанием самих предпринимателей обеспечить спокойствие «так надежнее с точки зрения интересов организации» – 43,75%; опыт коллег, по мнению 30,25% опрошенных, может склонить к осуществлению скрытых платежей в адрес должностных лиц; замыкает список рейтинга причин – факт принуждения со стороны должностных лиц – 26,0% (рисунок 7).

Сравнительный анализ ответов респондентов 2021, 2022 и 2023 годов на этот вопрос позволяет зафиксировать следующие тенденции:

- наблюдается последовательное снижение фактора «вымогательства» со стороны должностных лиц в группе причин коррупционного поведения предпринимателей (с 37,6% в 2021 году, 33% в 2022 году и до 26% в 2023 году);

- значимость фактора традиции, закреплённой практикой других организаций, «опора на опыт коллег», остается достаточно стабильной, претерпевая небольшие колебания (29,8% в 2021 году; 36,2% в 2022 году, в 2023 году – 30,25%, приблизившись к уровню 2021 года);
- вместе с тем в ответах респондентов 2023 года выросла мотивация, связанная с фактором обеспечения спокойствия для интересов организации, «так надежнее» (с 32,6% в 2021 году; 30,8% в 2022 году и до 43,75% в 2023 году).

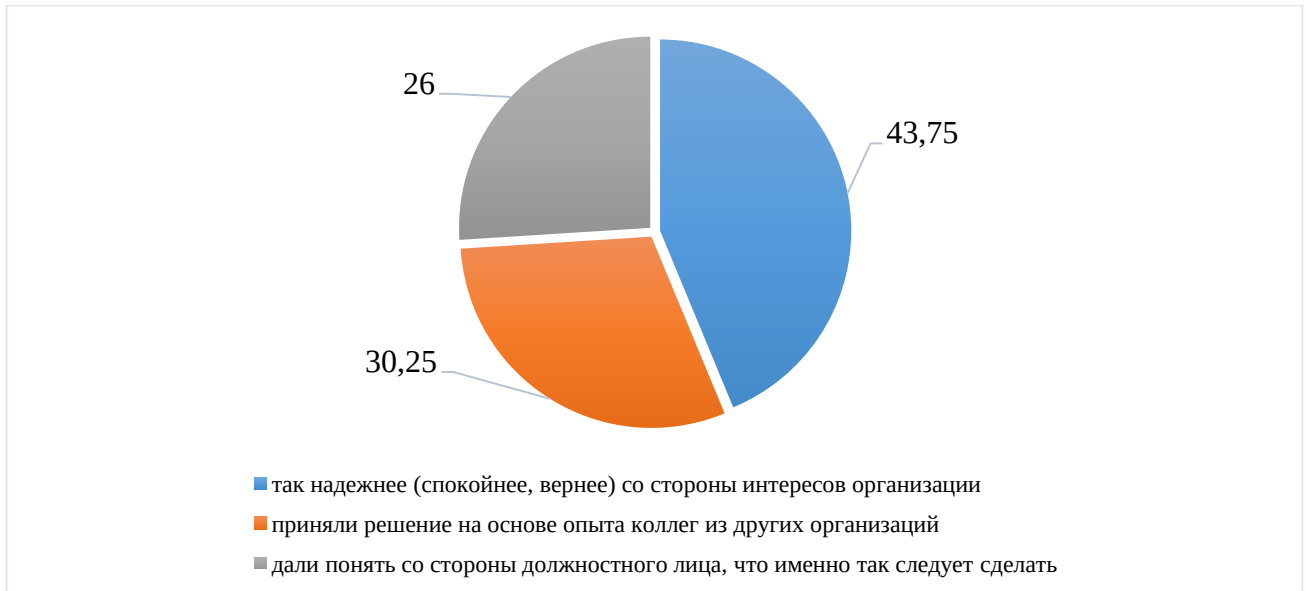

Рисунок 7 – Распределение ответов на вопрос: «Причина, по которой организация (предприятие, фирма, бизнес) из Вашей отрасли, по размерам схожая с Вашей, была бы склонна к оказанию влияния на должностное лицо посредством осуществления неформальных прямых и (или) скрытых платежей?», %

Выявленная динамика оценки респондентами причин коррупционного поведения показывает необходимость сделать акцент на формирование устойчивых практик антикоррупционного поведения не только со стороны органов власти, но и самого делового сообщества.

Какой результат деловое сообщество ожидает получить, оказывая влияние на должностное лицо посредством осуществления неформальных прямых и (или) скрытых платежей?

Рисунок 8 – Распределение ответов на вопрос: «Каков основной результат от оказания влияния на должностное лицо посредством осуществления неформальных прямых и (или) скрытых платежей?», %

Четверть опрошенных (25,25%) надеется на ускорение решения проблемы (в 2021 году – 9,6%, в 2022 – 4,8%); пятая часть участников опроса считает, что неформальное вознаграждение позволяет получить результат, который и так должны были бы получить (21,0%) (в 2021 и 2022 годах – 6,6%); практически каждый десятый (11,25%) надеется на минимизацию трудностей при решении проблемы (2021 и 2022 годы – 7,0%), и такая же часть респондентов, напротив, уверена, что неформальные платежи ничего гарантируют – 11,25% (в 2021 году – 10,0%, в 2022 году – 8,2%). Нижняя строчка рейтинга в 2023 году отведена убежденности в том, что неформальные платежи обеспечат качественное решение проблемы (только 7,75%).

Как свидетельствуют результаты исследования, бизнес-сообщество относится к коррупции отрицательно. Более трети опрошенных предпринимателей 35,0% (сумма ответов «скорее» или «чаще» мешает) считает, что коррупция мешает их организации работать на рынке (аналогичная ситуация в 2022 году – 35,6%). Примерно каждый десятый (12,5% отметил позитивное влияние взяточничества (сумма ответов «скорее» или «чаще» помогает) (в 2022 году – 5,0%) (рисунок 9).

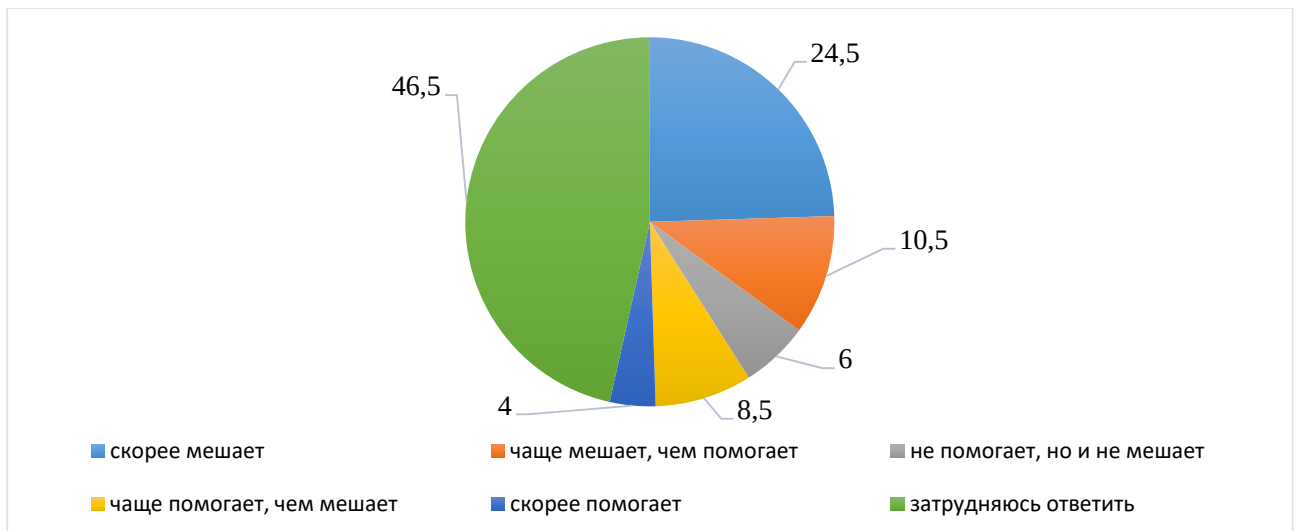

Рисунок 9 – Распределение ответов на вопрос: «Если исходить из нынешних условий и обстоятельств ведения бизнеса и его регулирования органами власти, коррупция скорее помогает или мешает работать организациям (предприятиям, фирмам, бизнесу) Вашей отрасли, по размерам схожим с Вашей?», %

Как и в исследованиях прошлых лет, число респондентов, негативно оценивающих влияние коррупции на развитие бизнеса, значительно превышает число тех, кто готов смириться с ее существованием.

Основной целью использования коррупционных схем является ускорение получения необходимых документов 44,25% (в 2022 году – 15,4%) или обход слишком сложных, обременительных или невыполнимых для организации правил и требований законодательства (24,75% и 10%) (в 2022 году – 10,9% и 12,5% соответственно). На неизбежность платежей указывают 20,0% (в 2022 – 5,1%) опрошенных представителей бизнеса. Около половины 46,5% (против – 20,8% в 2022 году) опрошенных предпринимателей не использует в своей работе какие-либо неформальные платежи (рисунок 10).

При сравнении результатов исследований 2023 года с 2022 годом важно отметить, что получено в три раза больше результативных ответов: если в 2022 году более половины респондентов предпочли не высказывать открыто свою позицию (52,3% – «затруднились с ответом»), то в 2023 году таких неопределившихся с позицией респондентов осталось только 14,5%. За счет большего количества полученных содержательных ответов в 2023 году вырос процент в каждой категории ответа. **Но иерархия целей в ответах респондентов 2023 и 2022 годов осталась практически неизменной: преобладает группа тех, кто не использует неформальные платежи, а обращение к подобной практике вызвано, прежде всего, стремлением ускорить или обойти сложные процедуры.**

Рисунок 10 – Распределение ответов на вопрос: «Как Вы полагаете, с какими целями организации (предприятия, фирмы, бизнес) Вашей отрасли, по размерам схожие с Вашей, используют неформальные прямые и (или) скрытые платежи при взаимодействии с органами власти?», %

Респондентам было предложено высказать свое мнение в целом о причинах коррупции в России.

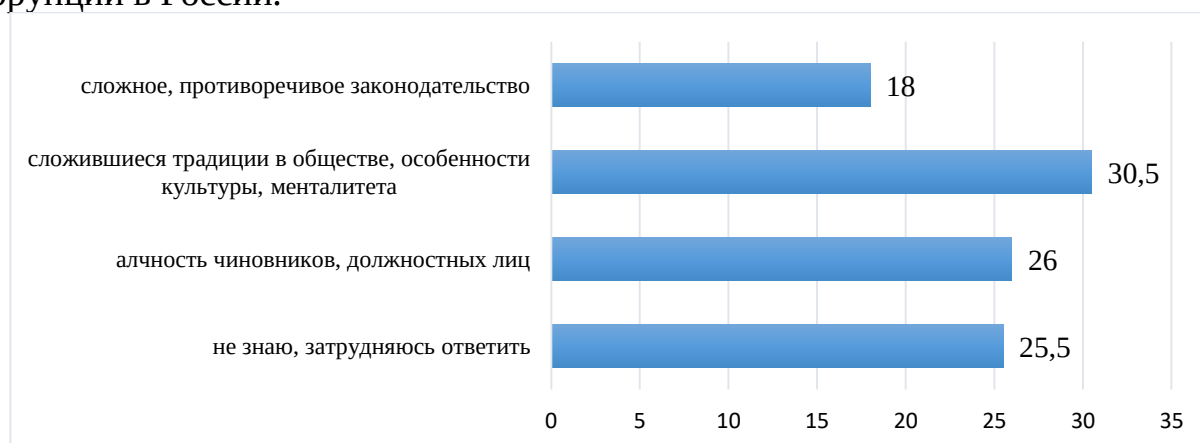

Рисунок 11 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, что является основной причиной распространения взяточничества и коррупции в России?», %

Около трети предпринимателей 30,5% видят причины коррупции в особенностях культуры и менталитета русского народа (в 2022 году – 14,5%, в 2021 году – 17,4%); 26,0% винят алчных чиновников (в 2022 году – 35,2%; в 2021 году – 32,8%) (рисунок 11). Замыкает рейтинг фактор противоречивого законодательства в качестве причины коррупции – 18,0% (против 14,4% в 2022 и 2021 годах). По вопросу о причинах коррупции получено несколько больше содержательных ответов, чем в 2022 году: только четверть против трети респондентов затруднилась с ответом (25,5% в 2023 году против 33,8% в 2022 году) (таблица 5).

Можно отметить одну тенденцию в изменении настроений делового сообщества: **сложившиеся в российском обществе традиции, особенности культуры и менталитета становятся основным тормозом формирования антикоррупционного поведения.**

Таблица 4 - Сравнительный анализ иерархии причин коррупции в России в ответах респондентов 2021–2023 годов.

Место в иерархии причин	2023 год	2022 год	2021 год
1.	сложившиеся традиции в обществе, особенности культуры, менталитета	алчность чиновников, должностных лиц	алчность чиновников, должностных лиц
2.	алчность чиновников, должностных лиц	сложное, противоречивое законодательство	сложившиеся традиции в обществе, особенности культуры, менталитета
3.	сложное, противоречивое законодательство	сложившиеся традиции в обществе, особенности культуры, менталитета	сложное, противоречивое законодательство

По оценкам респондентов, они даже в большей степени, чем «алчность должностных лиц» и «сложности законодательства», тормозят эффективность антикоррупционной политики.

О РЕЗУЛЬТАТАХ ПРОВЕДЕНИЯ В 2023 ГОДУ ИССЛЕДОВАНИЯ «БИЗНЕС-БАРОМЕТР КОРРУПЦИИ»

Во исполнение пункта 24 Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 годы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 года № 478, Торгово-промышленная палата России организует проведение ежегодного анонимного исследования «БИЗНЕС-БАРОМЕТР КОРРУПЦИИ» с целью замера антикоррупционных настроений деловых кругов и оценки их представителями государственной политики в сфере противодействия коррупции.

В декабре 2023 года состоялся одиннадцатый этап этого специального проекта, в котором приняли участие 39 763 предпринимателя из всех регионов страны, представляющих микро-, малый, средний и крупный бизнес (в 2022 году – 42 583 предпринимателя). Более 60,0% опрошенных ведут предпринимательскую деятельность свыше 3 лет. Кроме того, в проекте участвовали не только

предприниматели (75,73%, из них: владельцы бизнеса – 16,16%, индивидуальные предприниматели – 26,81%, сотрудники компаний – 22,79%, несколько форм бизнеса – 8,64%), но и государственные и муниципальные служащие (8,29%), а также самозанятые (15,98%). Неизменно высокое число респондентов подтверждает заинтересованность и доверие бизнеса к исследованию «БИЗНЕС-БАРОМЕТР КОРРУПЦИИ». Особое внимание в исследовании уделено региональным аспектам антикоррупционной деятельности в разрезе федеральных округов.

Респонденты действуют практически во всех сферах экономики: услуги (28,19%), торговля (16,66%), производство (13,92%), строительство (5,96%), сельское хозяйство (5,84%), образование (5,21%), транспорт (4,4%).

По данным опроса, в 2023 году почти на 5,0% (с 41,81% до 46,32%) увеличилось число предпринимателей, которые никогда не сталкивались с коррупцией: по сравнению с предыдущим этапом так ответил каждый второй участник опроса, что наглядно демонстрирует результат системой работы государства по формированию нетерпимого отношения к коррупции и внедрению инструментов профилактики коррупции в стране.

Однако численность предпринимателей, сталкивающихся с коррупцией, по-прежнему высока: 41,86% (в 2022 году – 42,59%) соприкасаются с коррупционными проявлениями редко, а 11,82% (в 2022 году – 15,6%) – постоянно.

Дополнительно подведены итоги голосования по каждому федеральному округу: в Уральском федеральном округе не сталкивались с коррупцией 43,37% респондентов, что чуть ниже общероссийского показателя (46,32%). Только 11,53% уральских бизнесменов отметили, что уровень коррупции в округе снизился, 17,0% предпринимателей указало, что уровень коррупции повысился, почти треть опрошенных (32,28%) уверены, что уровень коррупции остался на прежнем уровне.

Основной причиной распространения коррупции в России предприниматели считают недостаточность контроля за действиями чиновников, их доходами и расходами. Об этом заявили 41,57% респондентов. Непрозрачность и запутанность процедур принятия решений отметили 37,79% респондентов, возможность принятия единоличного решения должностными лицами – 36,52% предпринимателей. 28,08% респондентов обозначили в качестве причины несоразмерность наказания за факты коррупции, 27,09% – низкую заработную плату работников бюджетной сферы и служащих, 21,99% респондентов ответило, что причины кроются в недостаточном знании населением антикоррупционного законодательства и инструментов, 19,1% – в национальных традициях и менталитете.

Тройку лидеров наиболее коррумпированных сфер деятельности в 2023 году составили закупки по Федеральному закону от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон № 223-ФЗ) (42,25% от общего количества респондентов), получение разрешений, справок, сертификатов, лицензирование, аккредитация (36,2%),

контроль (надзор) за предпринимательской деятельностью, взаимодействие с проверяющими органами (35,55%).

За 2023 год резко выросло число респондентов, которые отметили рост коррупционных факторов в закупках по Закону № 223-ФЗ, – 42,25% (в 2022 году – 31,73%), что, по мнению бизнеса, связано с переходом на закупку товаров и услуг в закрытом формате.

Предприниматели отмечают двукратный рост коррупционности при получении мер государственной поддержки бизнеса (с 10,12% до 19,8%), что вызвано отсутствием четких критериев ее получения в условиях ограниченности бюджетных средств. По-прежнему остается неизменной ситуация с контрольно-надзорной деятельностью и проверками бизнеса (в 2023 году – 35,55%, в 2022 году – 37,82%), а также с получением разрешительных документов: более трети опрошенных (в 2023 году – 36,2%, в 2022 году – 37,68%) обращают внимание на достаточно высокую коррумпированность этой сферы.

69,58% предпринимателей заявили, что, столкнувшись с проблемой в своем бизнесе, выбрали бы законный путь ее решения. Эти результаты подчеркивают, что бизнес занимает активную позицию в отношении необходимости борьбы с проявлениями коррупции и планирует действовать в рамках правового поля.

Наиболее значимыми последствиями коррупционных проявлений для государства 43,49% респондентов считают разрушение рыночных отношений, честной конкуренции, 41,18% – снижение авторитета власти, 38,56% – уровня жизни населения.

Способствовать снижению уровня коррупции в экономике, по мнению 44,79% опрошенных, будет значительное усиление мер ответственности всех сторон, участвующих в коррупционных актах, 38,68% – развитие нетерпимого отношения к коррупции в органах власти, бизнесе, обществе, 37,17% респондентов отмечают, что необходимо введение различных мер поощрения и стимулирования бизнеса по внедрению антикоррупционных мер.

Департамент противодействия коррупции
Свердловской области